

фото Петра Королева

Александр Кукушкин, 4 курс МДС

ТРАПЕЗНАЯ

Православная студенческая община
Абрамцевского художественного колледжа

20

Можно ли стать верующим в светском учебном заведении? Кто поможет студенту сделать первые шаги в Церкви? Как жить с новым опытом веры в старой обстановке, в прежней среде знакомств и привычек? Ответом на эти вопросы могут стать православные студенческие общины.

Наше знакомство с Трапезной было почти случайным. Как-то весной мы гуляли по живописнейшим местам в окрестностях Хотькова и Абрамцева. Один из наших спутников предложил зайти в АХПК (Абрамцевский художественно-промышленный колледж, раньше

АХПУ — училище), пояснив, что этот колледж некогда закончил его брат, и что там есть община православных, именуемая «Трапезной». Охотнее всего проводя время в том, чтобы смотреть или слушать что-нибудь новое, мы направились в студенческую общагу.

Оставив у охранника на первом этаже свои студенческие, на втором глотнув сигаретного воздуха, пропустив пару девушек скоромного вида на третьем, на четвертом подпрыгнув от неожиданно взорвавшегося за дверью hard rock'a, мы добрались до последнего, пятого этажа. Недоверчиво оглядывая мрачный пустой коридор, наш проводник заметил: «Православных можно встретить в самых неожиданных местах», и в этот момент мы услышали трапезников.

Пообедаем?

За закрытой дверью пели «Отче наш», что довольно-таки неожиданно контрастировало с первым впечатлением от общажной действительности. Подойдя к двери с чеканным изображением кораблика, мы открыли ее и оказались в маленькой комнатке с окном во всю стену. Половину комнаты занимал стол с огромным желтым абажуром над ним, другую половину занимала кухня. Первое впечатление от Трапезной вполне соответствовало ее названию — находящиеся в ней студенты собирались пообедать.

Уговоры были недолгими, и уже через минуту мы разделяли с хозяевами незатейливую трапезу, во время которой под неторопливое чтение жития нам удалось осмотреться получше. В углу среди маленьких иконок выделялся большой образ Спаса Вседержителя. Все стены были оклеены всевозможными фотографиями и репродукциями, выцветшими от времени до сине-белых изображений. На книжных полках в изобилии теснились жития; А.И.Осипов, предлагающий свой «Путь разума», мирно стоял рядом с Ю.Вознесенской, рекомендующей «Путь Кассандры», Шмелев соседствовал со Шмеманом, а новенькое издание старца Силуана совсем прижало старенькое житие преподобного Серафима. Цветы, стоящие на холодильнике, чуть загораживали расписание дежурств и список дней рождений со днями ангелов; две электрические плитки вместе с древним тостером внешним видом свидетельствовали о своем ежедневном использовании, так же как и два десятка чашек, тарелок, ложек и вилок.

Весь обед у нас копились вопросы.

Трапезная оказалась православной студенческой общиной, вот уже 15 лет существующей в АХПУ. Ежегодно прощаясь с выпускниками и принимая в себя новеньких, она за прошедшие годы успела воцерковить более сотни ребят. Сейчас трапезников 12 человек, объединены они, как когда-то и их предшественники, вокруг большого обеденного стола, но объединены вовсе не им, а верой и общей жизнью.

Есть у Трапезной свои традиции, есть священные с ней связанные, есть привычка помогать Лавре в подготовке больших праздников, есть

совместные пикники на природе, паломнические поездки, иными словами — все признаки специфически-студенческих компаний и компаний специфически-православных. Но есть и особенность — Трапезная возникла и существует сама по себе. В том смысле, что она не является плодом удачной миссионерской активности какого-нибудь «молодежного батюшки», нет у трапезников взрослого лидера, придумывающего, как им жить, и нет прихода, который мог бы считать Трапезную своей.

Трапезная — самостоятельная, самоопределяющаяся, исключительно студенческая община, «варящаяся в собственном соку» и чудесным образом за 15 лет не истощившаяся, не выродившаяся в столовую или секту, а остающаяся живой, радостной и, что самое удивительное, православной.

In Ecclesiam induxi

Описывая место, занимаемое Трапезной в АХПК, стоит, наверное, что-то сказать и о самом колледже. Свое название он берет от усадьбы Абрамцево, которую в конце XIX века Савва Мамонов купил у Аксаковых и сразу превратил в своеобразный «творческий заповедник», где гостили и работали В.Васнецов, И.Репин, В.Суриков, В.Поленов, М.Нестеров и другие. При усадьбе была школа для детей из окрестных деревень, а в ней — столярная мастерская; заботами художников она быстро превратилась в художественную мастерскую, в которой по их эскизам изготавливалась декоративно оформленная мебель. С этой учебной мастерской и начинается история Абрамцевского колледжа. Сейчас в нем занимаются, конечно, не только мебелью, хотя выходят из его стен все те же прикладники-народники: деревянщики, металлисты, каменщики, художники по керамике, по кости; творческие, в общем, личности.

На примере студентов художественного училища видно, как профессия человека влияет на его способность однажды открыться Православию. Никто же не будет спорить, что студент Гнесинки большим количеством ниточек культуры связан с Церковью, чем студент кулинарного техникума; что Православие чаще встречается университетскому преподавателю, нежели брокеру на фондовой бирже. Так и АХПУшники явно «предрасположенней» к Православию, чем их коллеги из колледжей, к искусству не имеющих никакого отношения.

Одной из причин возникновения Трапезной и явилась эта специфика художественного колледжа. Но не в меньшей степени важна молодость творческой братии. Ведь из взрослых создать общину почти невозможно. Их жизнь течет привычным руслом будней, и перегородить ее плотной кардинально нового опыта, требующего отдачи всего себя, очень сложно. Молодым же проще — они

в силах отказаться от своей прошлой, пока еще недолгой, жизни и начать все заново.

А где же, как не в студенческом общежитии искать встречи с новым опытом? Это такой бурлящий котел оригинальных мыслей, безумных предложений и смелых идей, что даже христианству найдется в нем место. Именно здесь 15 лет назад первые трапезники встретились друг с другом и с Православием, и с тех пор остальные студенты знакомятся с христианством по трапезникам.

Впрочем, для кого-то Трапезная станет родной еще до поступления в училище. Будучи человеком церковным и зная о ее существовании, этот «кто-то» пойдет знакомиться с трапезниками в первый же день своего приезда, еще до начала вступительных экзаменов. Поднимется в комнатку на пятом этаже, увидит пару ребят, размораживающих холодильник, и останется не только до вечера, но и до окончания колледжа. А кто-то из студентов придет к Богу без участия трапезников, но все равно вольется в общину, так как быть православным и не быть в Трапезной — это значит сознательно быть одиноким, осознанно лишать себя возможности общения с верующими однокашниками. Ну а кто-то придет в Трапезную не из-за интереса к Православию, а просто из-за интереса ко всему новому. Любой первокурсник, начинающий осваивать мир АХПУшной общаги, вскоре узнает о какой-то странной «Трапезной». Если он захочет познакомиться поближе, первое, что понравится ему, так это отсутствие навязчивой сектантской заинтересованности в его скорейшей интеграции во внутриобщинные структуры. Его, быть может, даже порадует, что никто вовсе не собирается активно включать его в сомнительный «проект работы с молодежью».

Трапезная, действительно, никакой не «проект», хотя страсть к определениям и подталкивала нас назвать ее «удачно осуществленным проектом организации миссионерской общины в среде современного студенчества». Строго говоря, трапезники даже не миссионерят (термин из обихода студентов Миссионерского отдела при МДАиС): ни к кому в гости не напрашиваются, иконки не дарят, лекции о Церкви не читают и песен про Христа не поют. Они просто находятся рядом и ни перед кем не запирают дверь на замок.

Именно к этой «миссии жизнью» у нас обычно призывают с амвона, но все равно именно ее и не хватает. Конечно, разовые поездки и лекции сколь прекрасны и замечательны, столь и необходимы, но ведь, увы, невозможно действовать по схеме «*veni, vidi, in Ecclesiam induxi*». Миссионер заставляет человека задуматься. А вот место, где тот сможет получить ответы на возникшие у него вопросы — это уже община уверовавших туземцев. Именно эта община будет воцерковлять человека. Но где же она скрывалась от него все время до при-

езда миссионера? Разве не должно уже само наличие христиан быть достаточным миссионерским усилием по привлечению в Церковь новых людей? Неужели качество веры ее членов таково, что не делает их разительно отличными от окружающих?

Громогласно и непрестанно Трапезная о своей вере не трубит, но зато и не прячется. Способ ее существования в общежитии вполне публичен: все знают, где собираются православные, кто они и насколько они «другие». В естественной ненавязчивости проповеди, кстати, кроется причина бесконфликтного существования Трапезной в светском учебном заведении. Трапезная сродни первохристианской общине тем, что при абсолютной открытости для любого приходящего у нее нет никаких претензий на господство и никаких императивов по отношению к внешним.

Рака преподобного Амвросия

«Трапезная» — это не самоназвание. Как термин «славянофилы» был придуман теми, кто шутил над Аксаковым и Хомяковым, как ярлык «импрессионисты» был повешен на кружок Мане, Ренуара и Дега остроумными критиками, так и «Трапезная» — это ироническое прозвище, лишь частично имеющее под собой историческое основание. Трапезная действительно возникла как общая трапеза, но причиной объединения православных студентов АХПУ был вовсе не грубый мотив организации совместного питания ввиду не лучшего экономического положения в начале 90-х годов.

Начало было таким: в год празднования тысячелетия Крещения Руси Хотьковский монастырь передали Церкви. Это сейчас он вполне устроен, мощи родителей преподобного Сергия окружены тишиной и спокойствием и монастырь похож на монастырь; тогда же были горы строительного мусора и необозримое поле работы. От монастыря до общежития пять минут пешком, потому естественно, что некоторые студенты откликнулись на просьбу монастыря о помощи и стали проводить свободное время за разгребанием досок. Так началось их знакомство с Православием.

Очень скоро ребята открыли для себя Лавру с ее духовниками, а чуть позже — и Оптину. Когда же в Оптиной решили делать деревянную раку для мощей преподобного Амвросия, православные АХПУшники были уже настолько своими, что отказать им в выполнении этой работы было бы очень странно. Резали раку в той самой комнате, где сейчас располагается Трапезная, резали несколько человек сразу, с воодушевлением, забывая поспать и пообедать. Чтобы у резчиков хватило сил закончить работу, студенты-недеревянщики в этой же комнате готовили еду и заставляли их есть. Собираться всем вместе за обеденным столом быстро вошло в привычку, и

Тем, кто читал Честертона, объяснить, кто такой трапезник, просто — это Гэбриел Гейл из цикла рассказов «Поэт и безумцы»

даже когда рака была уже сделана и отослана в Оптину, привычка эта осталась.

Замечательно, что через некоторое время видеть православных вместе за общей трапезой привыкли не только сами православные, но и администрация училища. Потому, когда первые трапезники заканчивали учебу и должны были освободить комнату, руководство колледжа не передало ее новым хозяевам, а внесло в число тех комнат, что предоставляются студентам в общее пользование. С этого момента началась «официальная» история Трапезной с неофициальным девизом: «Трапезная была, и есть, и будет есть».

Но история Трапезной все-таки состоит не из истории трапез, и не ими одними ограничивается. Трапезники помнят в своих предшественниках не только поваров. Человеку, впервые попавшему в общину, например, году в девяносто пятом, никто не сказал бы, что «рецепт этого замечательного плова я получил от NN, выпустившегося в прошлом году». Обычной была бы фраза наподобие: «Ты знаешь, ведь тот NN, который выпустился в прошлом году и дал мне рецепт этого плова — это он крестил меня».

Прием новенького в трапезники осуществлялся не исходя из наличия у него кулинарного таланта, или из желания есть вместе со всеми, а из того, насколько серьезно он готов менять свою жизнь.

Слово «прием» следует заковычить, поскольку мероприятие это не официальное и формальностями не обставлено. Точно так же, кстати говоря, как и исключение из Трапезной. Событие это тоже строго не регламентировано, но при этом никакой двусмысленности в себе не содержит. Человека исключают вполне очевидным ему самому образом; исключают не за злостную неуплату своей части в общий фонд на покупку продуктов, а за оставление молитв, за банальное несоблюдение постов, за редкое причащение, в общем — за неправославную жизнь. Надо сказать, что подобное отлучение нередко срабатывало как крайняя форма братского вразумления — через пару недель экс-трапезник приходил с повинной, не соскучившийся по обедам и ужинам, а явно изголодавшийся по общению с единоверцами.

Собственно, истории Трапезной как организации на самом деле не существует — устройство Трапезной, ее «кухня», с течением времени не изменялась нисколько. Может быть, потому, что возникший 15 лет назад способ ее существования стал оптимальным в условиях АХПК. А может, потому, что трапезники не хотят сковывающих рамок, в том числе рамок «традиции», понимаемой подчас как набор исторических прецедентов, значимость и ценность которых достаточно обуславливается их историчностью. Для самоорганизации трапез-

никам достаточно старосты, напоминающего о графике приготовления обедов, а все внутреннее содержание жизни общины целиком состоит из неорганизованных, а потому и радостных в своей неожиданности инициатив членов общины.

Иконы, приправы и морская капуста

Трапезная как «вещь в себе» — это, скорее всего, место молитвы. Место молитвы в самом земном и обыденном смысле — во всем общежитии только в трапезной можно действительно спокойно помолиться. В этом ее первейшее значение для трапезников; в конце концов, пообедать можно и со своими неверующими соседями по комнате, под ревуший магнитофон, а вот приготовиться ко участию в такой обстановке вряд ли удастся.

Разумеется, что в этом удобном для частной молитвы месте трапезники собираются и для молитвы общей, в первую очередь — для утренней и вечерней. Опять-таки, в этом нет никакой обязательности, это не дань традиции, просто так удобнее.

Молитвенное правило не отличается от обыкновенного мирского, разве что вечером к нему присоединяется молитва за людей из «помянника Трапезной» — тех, кто так или иначе дорог трапезникам и связан с ними.

В отличие от повсеместной практики чтения всех молитв одним чтецом, в трапезной принято, чтобы каждый из присутствующих по очереди произносил по одной молитве. Обычай этот напоминает, что молитва является твоим личным (а не чтеца) обращением к Богу, создает удивительную атмосферу единства и, ко всему прочему, не дает заснуть.

Возможность молиться в нормальной, ставшей за прошедшие 15 лет почти церковной, атмосфере Трапезной — самое дорогое, что есть у трапезников. А самое хлопотливое — это ее быт: закупка продуктов, приготовление обедов, мытье посуды, уборка комнаты и прочее.

Быт вообще бывает разный — от того, о котором Маяковский разбил свою «любовную лодку», до того, который Шмелев воспевал в «Лете Гос-

«Трапезная» — чуть ли не единственное место в Abramtsevskom колледже, где можно спокойно помолиться и почитать духовные книги.

фото Павла Салматова

поднем». Быт же Трапезной совершенно особый — веселый и улыбающийся, смеющийся подчас над самим собой.

Вспоминая истории о трапезниках прошлого поколения, вам расскажут, как к старосте Диме подлетал горячий южный парень из Геленджика Антошка, хватал за грудки и, прижимая к стене, кричал на всю общагу: «Дима! где хлеб?!» На что Дима, возмущенно отбиваясь, кричал в ответ: «Вот деньги! Сходи и купи!» Расскажут о знаменитой «каше Майи», которую нарезали из кастрюли половником и раскладывали по тарелкам кусками. А если вы посмотрите на нынешнее меню и прочитав: «Понедельник; Даша, Наташа: Щи, фасоль, салат», спросите: «И что? Так каждый понедельник?», Даша радостно ответит, что конечно же нет, «ведь фасоли часто не бывает!»

За каждым трапезником помимо определенного дня недели, когда он вдвоем с кем-нибудь еще должен готовить еду, закреплены обязанности, выполняемые им по необходимости. Обязанности эти вывешены на всеобщее обозрение. Например, Андрей, помимо холодильника, ножей, картошки и капусты, отвечает за кладовку и мышей, в ней обитающих; Аня — за цветы и часы, а Наташа — за библиотеку.

А за всем этим наблюдает нынешняя староста Катя, отвечающая к тому же за «иконы, приправы и морскую капусту». Девушка-староста явление для Трапезной неожиданное и совершенно нетипичное. До Кати все предыдущие старосты были парнями и, как она сама надеется, после нее традиция вновь возобновится. Но пока деваться некуда, так как «все парни, — по ее словам, — как-то странно перевелись и зачали».

Впрочем, как кажется, сейчас перед старостой если и стоят вопросы, то скорее сиюминутные и частные, чем глобальные проблемы существования Трапезной как таковой. Таких больших внутренних проблем у Трапезной всегда было три. Первая — это искушение переродиться в секту. Побольше замкнуться в самих себе, подальше отойти от своих духовников и найти общетрапезного лидера, увлечься всем вместе какой-нибудь идеей (патриотической, апокалиптической, толкиенистической — мало ли их, «идей»), и вот уже маленькая секточка получилась.

Вторая возможная беда является противоположностью первой — вместо секты можно превратиться в столовую. В начале каждого учебного года состав Трапезной сильно меняется. Уходит старшее поколение, приходит новое, еще не воцерковленное. Теоретически может так случиться, что между ушедшими пятикурсниками и пришедшими первокурсниками не окажется переходного звена. Некому будет воцерковлять новеньких, а потому вся Трапезная для них будет иметь только материальное измерение. Столовая и не больше.

Третья проблема снимает первые две, так как является противоположностью им обеим. Это проблема количества трапезников: их может быть так мало, что Трапезная просто перестанет существовать. Все эти внутренние проблемы более или менее заметно присутствуют в Трапезной всегда, но пока успешно преодолеваются.

Нынешняя Трапезная, к счастью, не похожа ни на секту, ни на столовую. Двенадцать трапезников производят впечатление семьи; молодой семьи, в которой есть старшие и младшие, есть взаимные уступки, есть послушание, но главное — есть веселая жизнерадостность. Тем, кто знаком с творчеством Честертона, объяснить, кто такой трапезник, просто — это Гэбриел Гейл из цикла рассказов «Поэт и безумцы». Для тех, кто этих рассказов не читал, — выдержка из воспоминаний одной трапезницы. Описывая, как они «хором» празднуют Крещение вместе с приходом в селе Комякино (рубят прорубь, строят ледяную церковь, лепят снежных ангелов), она замечает, что после молебна «всех брали по очереди за руки и за ноги и окунали в купель». Представьте себе эту картину, и вы немного поймете трапезников.

Стоит ли ждать?

Далеко не всегда студент приходит к вере и воцерковляется усилиями молодежной православной общины его вуза. Даже, пожалуй, это происходит весьма редко, ведь подобных общин, увы, еще очень немного. А таких, как Трапезная, и вообще, похоже, единицы. «Классический» тип общин, создаваемых сейчас при университетах, принципиально иной. Он складывается из храма, находящегося поблизости от института, и священника, целенаправленно занимающегося с молодежью; в результате получается вполне обыкновенный приход, процентов на 30–40 состоящий из студентов.

И это замечательно. И да здравствуют те благочинные, которые в отчетных письмах своему архиерею, докладывая о постройке храма при каком-нибудь вузе, замечают, что «на базе храма планируется создать студенческую православную общину». Пусть у них все получится.

Но обязательно ли православным студентам ждать, пока благочинный настолько близко сойдется с ректором, что сможет уговорить его выстроить храм? Разве первым импульсом к созданию общины может служить только появление священника в стенах колледжа? Разве познакомиться друг с другом возможно только за чаем у гостеприимного настоятеля? В конце концов, община должна строить себе храм, а не храм себе общину.

Может, не стоит ждать, пока вас кто-нибудь построит? Рождайте себя на свет сами — у Трапезной это получилось.